

Как В.П. Кочубей торопил М.М. Сперанского в подготовке Свода законов

«...Изданием Уложения... приобретёте себе бессмертную славу...»¹ — эти строки из письма В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому, отправленного 9 июля 1823 г. из Царского Села в Чернигов, оказались пророческими. Письмо к другу и родственнику, гостившему в то время у дочери в Чернигове, было написано графом накануне его отъезда из столицы на юг России.

Свое повествование о многодневном путешествии по воде в Новороссийский край Виктор Павлович предвосхитил сообщением о состоявшемся разговоре его с императором, до Сперанского «относящегося». Из него, пишет граф, «я удостоверился, что его величество действительно желает, чтобы Уложение и обряд производства дел были окончены непременно».²

Как видим из письма, речь шла о систематизации российского законодательства — важнейшей задаче, которую безуспешно пытались решить все русские цари, начиная с Петра I. Упорядочить российское законодательство пытался и Александр I. В 1804 г. им была создана «Комиссия о составлении законов», которая действовала на протяжении всего Александровского царствования. В этой комиссии с 1808 до 1812 и с 1821 г. работал М.М. Сперанский, но результаты её деятельности оставляли желать лучшего. Именно об этом говорит и В.П. Кочубей в своём письме, напоминая М.М. Сперанскому, что его величество выразил сожаление, что «дело идет тихо», а вы «в отпуск отправились». В.П. Кочубей признаётся Михаилу Михайловичу в том, что он тоже полностью разделил озабоченность государя, и не мог не убедиться совершенно в основательности его суждений.

Для пущей важности (зная о вынужденном «трепетном» отношении своего друга к временщику) Кочубей сообщает Сперанскому, что граф Аракчеев, будучи здесь, тоже говорил об Уложении и, признавая оное полезным, рассуждал, что вы один можете делом сим заниматься и что вам кончить его должно.

«Сии сведения, — пишет В.П. Кочубей, — я вам сообщаю, полагая, что вам не противно будет их иметь. Впрочем, я и прежде сказывал вам, и ныне повторю, что величайшую услугу окажете вы отечеству изданием Уложения».³

¹ Из письма В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому от 9 июля 1823 г. Царское Село // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 302.

² Там же.

³ Там же.

Зная, что М.М. Сперанский сейчас полностью поглощён домашними делами, связанными с предстоящим рождением внука, и пытаюсь вернуть своего друга в деловую жизнь, В.П. Кочубей вынужден был в своём письме напомнить ему следующее: «к сему присоединю я, что дальнейшая медленность или отлагательство будет, без сомнения, весьма неприятно и может породить неприятности. За такими расположениями и ожиданиями, возвращение ваше скорое... необходимо».⁴

30 августа 1823 г. М.М. Сперанский возвратился из Чернигова. В столице его прибытия ждали с нетерпением, но уже для достижения другой цели. С высочайшего позволения А.А. Аракчеев привлёк М.М. Сперанского к устройству военных поселений. Он был включён в особый Комитет, состоявший кроме него из А.А. Аракчеева и П.А. Клейнмихеля, для выработки проекта Учреждения о военных поселениях. Новая работа отнимала у Сперанского всё время. Но это, по-видимому, не огорчало императора Александра I, который в последние годы царствования главный смысл своей реформаторской деятельности видел исключительно в военном строительстве, сводящемся к повсеместному насаждению военных поселений. В 1823 г. государь лишь трижды принимал М.М. Сперанского, а в последующие годы — ни разу. Естественно, результаты деятельности Комиссии законов остались вне контроля со стороны императора.

О таком охлаждении государя к М.М. Сперанскому и результатам его работы по систематизации законодательства В.П. Кочубей узнал из письма своего друга лишь в октябре 1823 г. Подобное изменение отношения Александра I к Сперанскому по сравнению с тем, что говорил о нём государь перед отъездом В.П. Кочубея на юг России, привело последнего в изумление. 30 октября 1823 г. В.П. Кочубей писал своему другу из Феодосии: «Я удивился, узнав от вас, что по возвращении вашем (из отпуска. — П. Н.) его величество не изволил вам ничего сказать о желании его, чтобы вы поспешили окончить Уложение ... Я, со своей стороны, видел всегда в Уложении величайшую пользу и привязан, будучи к личной славе вашей и выгодам вашим, люблю ласкать себя надеждою, что вы, наконец, приметесь решительно за дело и удовлетворите всем ожиданиям».⁵ И вновь, как и прежде, граф убеждает своего друга в необходимости продолжать работу по систематизации законодательных актов. Просит его не сомневаться в том, что государь ждёт скорейшего окончания составления Уложения. Зная о решающем влиянии Аракчеева на императора, Кочубей снова приводит его слова,

⁴ Там же.

⁵ Из письма В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому от 30 октября 1823 г. Феодосия // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 308.

якобы сказанные им о том, что только один Михайло Михайлович может написать законы и что, если его не станет, то надобно всё бросить. И что эти слова Аракчеев, якобы, осмелился сказать и государю.

Спустя четыре месяца в очередном письме из Феодосии В.П. Кочубей в первую очередь интересуется у М.М. Сперанского: «...скажите мне, хотя несколько слов об успехе трудов ваших по части Уложения. О! Сколько желательно было бы, чтобы часть судная выведена была, наконец, из настоящего хаоса! И здесь, в сем маленьком городке, все неудобства сего видны».⁶

Далее В.П. Кочубей рассказывает о том, насколько примитивно и юридически безграмотно ведутся судебные процессы. В Феодосии есть коммерческий суд, который своею «неправильностью» и «медлительностью» приводит всех иностранцев в отчаяние. А судьи, в свою очередь, жалуются, что нет торгового Уложения. Граф возмущается низкой профессиональной подготовкой служителей правосудия, незнанием региона, где они исполняют свои служебные обязанности. Прокурор переведён из Кавказской губернии, а один судья до этого служил полицмейстером или городничим в Иркутской губернии. По одному делу шкипера и купцов, прокурор приводил недавно как-то закон царя Алексея Михайловича. В.П. Кочубей, признаваясь в том, что он теперь так стал бояться министра юстиции князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского, что если бы подчинённый его прокурор вздумал сослаться и на «законы царя Ивана Васильевича», то и тогда бы он молчал.⁷

Картина беззакония и произвола, творящегося в маленьком городке России, столь ярко нарисованная в письме министра внутренних дел к своему другу, видимо достигла намеченной цели.

Об этом В.П. Кочубей в письме к М.М. Сперанскому от 20 августа 1824 г. писал из Диканьки: «Я не могу вам изъяснить, с каким удовольствием видел я из последнего письма вашего, что вы продолжаете усердно заниматься Уложением. Не оставляйте Бога ради сего дела. Пойдет ли оно в ход или нет, вы, тем не менее, приобретёте у нас имя историческое. Составить Уложение для государства, не имеющего онаго, в коем все законы перемешаны, запутаны, где нет суда, есть предприятие важнейшее, какое только исполнено, быть может, и я желаю, чтобы Бог дал вам довольно сил и твёрдости оное совершить».⁸

Такие же хвалебные слова и восхищение тем, что законотворческая работа продолжается, граф В.П. Кочубей выразил М.М. Сперанскому и в

⁶ Из письма В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому от 26 февраля 1824 г. Феодосия // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 309.

⁷ Там же.

⁸ Из письма В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому от 20 августа 1824 г. Диканька // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 314.

письме от 18 января 1825 г., отправленном из Одессы. Граф с умилением признаётся, что ему всегда становится радостно, когда Михайло Михайлович пишет, что он занимается Уложением. Если оно и не будет издано, рассуждает В.П. Кочубей, то, по крайней мере, то верно, что работа эта будет первой в России и сделает вам величайшую честь. И даже одно напечатание проектов Уложения принесёт немалую пользу, так как раскроет понятие многих, законами у нас во всех сословиях занимающихся.

Что же касается моего личного отношения к вам, продолжает В.П. Кочубей, то я не могу не принимать участие в том, что может послужить укреплению справедливого мнения о вас и достоинствах ваших. Поэтому, несмотря на то, что я вам могу наскучить, но всё же буду продолжать твердить, чтобы «вы делом сим прилежно и постоянно занимались».⁹

Однако «сие дело» не по вине Сперанского вскоре затянулось. Из-за внезапной смерти императора Александра I законотворческая деятельность М.М. Сперанского прервалась. Реформатор оказался в трудном положении. Рядом не оказалось близких людей, с которыми можно было посоветоваться и заручиться их поддержкой. Первый и бессменный покровитель граф В.П. Кочубей находился за границей. «Грузинский игумен» А.А. Аракчеев из-за гибели своей любовницы Настасьи Минкиной, пребывая в полнейшей прострации, заперся в своем доме и забросил все государственные дела. Ко всему этому следует добавить, что новый император отнёсся к Сперанскому с подозрительностью из-за близости последнего с некоторыми декабристами.

Однако вскоре недоверие царя к М.М. Сперанскому рассеялось. Этому в немалой степени способствовала прагматичность императора Николая I и, несомненно, способности нашего героя. Как известно, он вместе с Н.М. Карамзиным был приглашён составлять манифест о вступлении на престол молодого императора. Сближение с Карамзиным в какой-то степени помогло М.М. Сперанскому восстановить к себе доверие нового царя.

Уже в январе 1826 г. Михаилу Михайловичу было поручено заведование Комиссией составления законов. Вскоре Комиссия была преобразована во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Главой отделения был назначен известный юрист, бывший ректор Санкт-Петербургского университета М.А. Балугьянский, но фактическое руководство всей работой отделения было возложено на М.М. Сперанского.

⁹ Из письма В.П.Кочубея к М.М.Сперанскому от 18 января 1825 г. Одесса // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 319.

Итак, пришло время продолжить работу по составлению свода законов, окончания которой с большим нетерпением ждал и сам автор, и В.П. Кочубей, находившийся пока в Германии. Своей радостью по поводу нового назначения М.М. Сперанский решил поделиться с Н.М. Карамзиным, который в декабрьские события 1825 г. простудился и тяжело заболел. 26 марта 1826 г. М.М. Сперанский посетил квартиру знаменитого историка, жизнь которого постепенно угасала. Эту встречу двух звёзд первой величины описал в своей работе историк и писатель М.П. Погодин, в то время двадцатипятилетний магистр Московского университета, который познакомился с Н.М. Карамзиным по приезду в северную столицу сразу же после событий 14 декабря 1825 г. Сперанский, вспоминает М.П. Погодин, поприветствовав Николая Михайловича и сев напротив, сказал ему, что вы меня не видели и не получали от меня вопросов о здоровье, но я в это время самым верным образом следил за ходом вашей болезни, в которой принимают участие все в России. Слава Богу, что теперь могу вас видеть. Затем, продолжает автор воспоминаний, начался живой разговор о работах, возложенных государем на Михаила Михайловича, и об учреждении II отделения Собственной его величества канцелярии. Карамзин слушал внимательно, одобрял сообщённые ему предположения, а в заключение беседы сказал: «... вот это совершенно согласно с моими давними убеждениями. Я всегда думал: как можно составлять законы, не зная всех тех, какие у нас есть и были? Надобно прежде знать своё; надобно собрать всё без исключения, и потом уже отделить то, что действительно имеет в настоящее время обязательную силу: так составится верный свод, по крайней мере, того, что существует».¹⁰

Мнение Н.М. Карамзина о направлениях поисковой работы и структуре будущего свода русских законов полностью совпало с планом М.М. Сперанского. Систематизация законов по его замыслу должна осуществляться в три этапа. На первом предусматривалось собрать и издать все законодательные акты, начиная с «Соборного Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г. по 1825 г., т.е. до конца царствования Александра I. На втором — издать Свод действующих законов, расположенных в предметно-систематическом порядке. На третьем этапе предполагалось издание самого «Уложения», то есть нового систематического свода действующего законодательства с дополнениями и исправлениями, вызванными насущными потребностями государства.

Николай I согласился на проведение первых двух этапов кодификации законов, отклонив третий, предусматривавший составление «Уложения».

¹⁰ См.: *Погодин М.П.* Карамзин Н.М. по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с приложением М. Погодина. М., 1866. Ч. 2. С. 475–476.

Наиболее активная и плодотворная работа М.М. Сперанского началась в то время, когда в Россию возвратился В.П. Кочубей. Возглавив Государственный совет, и тесно сотрудничая со Сперанским в Комитете 6 декабря, В.П. Кочубей, как мы видим из его переписки, был крайне заинтересован в успешном исходе всех работ по подготовке к изданию свода законов. Виктор Павлович своим авторитетом и близостью ко двору не только оказывал моральную поддержку своему другу и пропагандировал его работу в высшем свете, но также стремился создать ему наиболее благоприятные условия для завершения столь значимого задания. Так, на завершающем этапе издания свода законов М.М. Сперанский был освобождён от работы в Комитете 6 декабря, который, хотя нерегулярно, но продолжал собираться на свои заседания вплоть до марта 1832 г.

Сотрудники II отделения под руководством М.М. Сперанского трудились очень продуктивно. В 1828–1830 гг. были изданы 45 томов и 3 тома указателей и приложений к ним. Это издание стало именоваться «Первое Собрание Законов Российской империи» (ПСЗ I). Оно включало 30 920 законодательных актов за 1649–1825 гг. Это был грандиозный труд, названный самим императором Николаем I «монументальным». Многотомное издание было подготовлено за короткое время — за четыре года. Одновременно на основе «Полного собрания законов» стал издаваться «Свод законов», который включал только действующие узаконения. К январю 1833 г. было завершено печатание «Свода законов» в 15 томах, заключавших в себе свыше 42 тысяч статей.¹¹

19 января 1833 г. под председательством князя В.П. Кочубея открылось чрезвычайное собрание Государственного совета, на рассмотрение которого были представлены подготовленные «Полное собрание законов» и «Свод законов». Посреди зала Совета, на особом столе лежали 56 томов «ПСЗ» (48 томов с приложениями «первого собрания» и 8 томов «второго издания», включавшие законы, изданные в царствование Николая I) и 15 томов «Свода законов».

К началу работы собрания прибыл император Николай I и занял место рядом с председателем. Государь обратился к присутствующим с большой речью, которая продолжалась около часа и отличалась, по воспоминаниям современников, «увлекательным красноречьем». Впоследствии М.М. Сперанский вспоминал, что государь говорил как профессор.¹²

В заключение своего выступления, подчеркнув важность проделанной работы по кодификации законов, Николай I подозвал к себе

¹¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1–2. СПб., 1861. Т. 2. С. 316.

¹² Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 583.

М.М. Сперанского, крепко обняв и горячо поблагодарив за его труды и службу, возложил на него снятую с себя звезду Св. Андрея Первозванного.

Сцена награждения главного кодификатора российских законов увековечена в камне в виде рельефа на пьедестале памятника Николаю I работы известных архитектора О. Монферана и скульптора П.К. Клодта, установленного перед Исаакиевским собором и торжественно открытого 25 июня 1859 г.

На рельефе, исполненном петербургским скульптором Р.К. Залеманом, кроме Николая I, награждающего М.М. Сперанского, изображены еще 33 члена Государственного совета. На переднем плане справа скульптором запечатлены лица из ближайшего окружения государя императора: великий князь Михаил Павлович, князь В.П. Кочубей, граф И.В. Васильчиков, граф Д.Н. Блудов, граф Е.Ф. Канкрин и др.¹³

Государственный совет одобрил «Свод законов» и рекомендовал его издать и разослать во все присутственные места. Николай I своей резолюцией удостоверил, что «Свод» следует рассматривать как исключительно положительный закон, действие коего начинается с 1 января 1835 г.

Кодификация законов, несомненно, упорядочила российское законодательство, нисколько не изменив политическую и социальную структуру самодержавной России, что и требовалось Николаю I.

Оценивая грандиозную работу, проделанную М.М. Сперанским по систематизации российских законов и изданию их многотомного полного свода, следует сказать, что он, как и предсказывал В.П. Кочубей, приобрел себе «бессмертную славу».¹⁴ С тех пор прошло 175 лет, но историки и юристы неизменно чтут память М.М. Сперанского и всегда будут благодарны ему за то, что получили в своё распоряжение бесценный историко-юридический источник.

Возвращаясь к награждению М.М. Сперанского в Государственном совете, произведенному Николаем I в столь необычной форме, можно предположить, что этой награде был рад не только виновник торжества, но и князь В.П. Кочубей (6 декабря 1831 г. был пожалован княжеским титулом). Ему, к этому времени тяжело больному человеку, было, несомненно, приятно оказаться свидетелем звёздного часа, наступившего в жизни друга и единомышленника М.М. Сперанского. Здесь же можно допустить, что В.П. Кочубей, столь рьяно добиваясь от своего друга завершения работы по кодификации законодательства, преследовал и свои интересы. Ведь М.М. Сперанский изданием «Свода законов» про-

¹³ Государственный совет. 1801–1901. СПб., 1901. С. 58.

¹⁴ См.: Письмо В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому от 9 июля 1823 г. Царское Село // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 302.

славил не только себя и царствование Николая I, но в какой-то степени и имя В.П. Кочубея. Ведь из 30 920 законодательных актов, включённых М.М. Сперанским в «Первое Полное Собрание законов», 11 142 документа относятся к эпохе царствования Александра I, когда государственная деятельность В.П. Кочубея протекала наиболее плодотворно. Достаточно сказать, что его имя 117 раз упоминается в различных законодательных актах, помещённых в 16 томах Полного собрания законов, относящихся к эпохе Александра I.¹⁵

В заключение заметим, что все современники и исследователи сходятся в одном — В.П. Кочубей и М.М. Сперанский, прослужив верой и правдой, первый — четырём, второй — трём русским императорам, много сделали для своего Отечества. Воззрениями о государственном устройстве России, её внутренней и внешней политике опережали своё время. Судьба тесно сплела их реформаторские планы с их личной судьбой.

Вся их многолетняя государственная служба, наряду с решением необходимых повседневных задач, была подчинена достижению заветной цели — осуществить в России либеральные преобразования по образцу западноевропейских стран. Тяга к нововведениям — главный смысл их жизни. К этой поставленной цели наши герои всегда (исключая годы ссылки Сперанского и «опалы» Кочубея) шли в тесном союзе, единодушно отстаивая свои проекты реформ. Некоторые их планы, идеи были реализованы в XIX веке. Другие получили частичное разрешение в XX веке.

Современник наших героев М.А. Корф, служивший под их руководством, 24 ноября 1839 г. записал в своём дневнике: «В администрации угасли светлые имена Кочубея и колоссального Сперанского ... кто же заменит эти народные славы и кто обещает заменить их в будущем...».¹⁶

¹⁵ Подсчитано автором по: ПСЗ-1. Т. 25–40.

¹⁶ Корф М.А. Записки. С. 675.